

Сказки братьев Гримм.

Диковинная птица (Чудо-птица)

Некогда был на свете такой волшебник, который принимал на себя образ бедняка-нищего, ходил от дома к дому и просил милостыню, а при этом похищал красивых девушек. Никто не знал, куда они исчезали, потому что никто их потом уж не видывал.

Однажды явился он перед домом человека, у которого были три дочки-красавицы; на вид он казался жалким нищим, и за спиной у него был привязан большой короб, словно бы он собирал подаяние. Он молил о том, чтобы ему вынесли чего-нибудь поесть, и когда старшая дочка к нему вышла и собиралась подать ему кусок хлеба, он только прикоснулся к ней – и она уже очутилась в его коробе.

Затем он поспешно удалился и зашагал со своею ношею к дремучему лесу, где у него построен был дом в самой чаще.

В доме этом все было очень роскошно; и волшебник дал красавице у себя все, чего она только пожелала, и сказал: «Сокровище мое, тебе у меня полюбится: у тебя здесь под рукой все, чего твоей душеньке угодно».

А затем, по прошествии двух дней, он ей заявил: «Мне надо на время уехать и тебя здесь оставить одну; вот тебе ключи от всего дома; и всюду ты можешь ходить и все осматривать, не

заглядывая только в одну комнату, которая отпирается вот этим маленьким, ключиком. Я это тебе запрещаю под страхом смерти».

При этом он дал ей еще яйцо и сказал: «Это яйцо сохрани мне и лучше уж постоянно носи его при себе, потому что если оно потеряется, это приведет к большому несчастью».

Она взяла и ключи, и яйцо, и обещала все соблюсти как следует. Когда волшебник уехал, красавица пошла по всему дому и обошла его снизу доверху и все в нем осмотрела. Все покои в нем блистали серебром и золотом, и ей показалось, что она никогда еще не видела нигде такого великолепия.

Наконец пришла она и к запретной двери, хотела пройти мимо нее, но любопытство не давало ей покоя. Осмотрела она ключик, видит – он ничем от других ключей не отличается, сунула его в скважину и чуть только повернула – дверь распахнулась настежь. И что же она увидела, войдя в тот запретный покой? Посреди него стоял огромный таз, полный крови, и в нем лежали тела людей, разрубленных на части, а рядом с тазом поставлена деревянная колода и около нее положен блестящий топор.

Увидев все это, она так перепугалась, что и яйцо из руки в этот таз обронила. Она его опять из таза вытащила и кровь с него стала стирать, но тщетно старалась: кровь на нем через минуту выступала вновь. И как она ни терла, как ни скоблила – уничтожить кровавые пятна на яйце она не могла.

Вскоре вернулся и волшебник из своей поездки и прежде всего хватился ключа от запретной двери и яйца.

Она подала ему то и другое, но руки ее при этом дрожали, и он по кровавым пятнам тотчас угадал, что она побывала в запретном покое. «Так как ты против моей воли побывала в этом покое, – сказал он, – то теперь против твоей воли должна направиться туда же! Простись с жизнью!»

Он сбил ее с ног, за волосы потащил в страшный покой, отсек ей голову топором, а все тело ее изрубил на куски, так что кровь ее стала стекать в таз. Потом и все куски ее тела побросал в тот же таз.

«Ну, теперь пойду добывать вторую дочь-красавицу», – сказал волшебник и опять в образе нищего пошел к тому же дому и стал просить милостыни.

И вторая дочка вынесла ему кусок хлеба, и вторую он похитил, одним прикосновением заставив ее очутиться в его коробе. И с нею случилось все точно так же, как и со старшей сестрой; и она тоже, поддавшись любопытству, отворила кровавый запретный покой, заглянула в него и должна была по возвращении волшебника домой поплатиться жизнью за свое любопытство.

Затем он отправился и за третьей дочкой, которая была и поумнее и похитрее сестер. Когда волшебник отдал ей ключи и яйцо, а сам уехал, она сначала тщательно припрятала яйцо, затем осмотрела дом и наконец зашла в запретный покой.

Ах, что она там увидела! Обе ее милые сестрицы лежали в тазу убитые и разрубленные на части. Но она, не смущаясь, собрала все разрозненные части их тел и сложила их как следует: и головы, и руки, и ноги, и туловища — все на свое место. И когда все сложила, члены начали двигаться и срослись по-прежнему, и обе девушки открыли глаза и снова ожили. Очень все они обрадовались этому — целовались и миловались.

Когда волшебник вернулся, то потребовал тотчас ключи и яйцо, и когда увидел, что на яйце нет никаких следов крови, то сказал: «Ты выдержала испытание, тебя и возьму я за себя замуж».

С этой минуты уж он терял над нею всякую власть и должен был выполнять все ее требования. «Ладно, — сказала она, — но прежде ты снесешь моим родителям полнешенек короб золота, и снесешь его сам на спине, а я тем временем тут все подготавливаю к свадьбе».

Затем побежала к своим сестрам, которых припрятала в маленькой каморочке, и сказала им: «Настало время вас спасти: этот злодей должен будет вас отнести домой; но как только вы к дому прибудете, тотчас высылайте мне помощь».

Она их обеих посадила в короб и засыпала их сверху золотом так, что их и видно не было; потом призвала волшебника и сказала: «Ну, теперь неси короб; но смотри, в пути не останавливаться и не отдыхать — я буду за тобой из моего окошечка следить».

Волшебник взвалил короб на спину и потащился с ним по дороге; но короб был так тяжел, что у него пот градом катился со лба. Вот он и присел было, и хотел немного отдохнуть, но тотчас же

одна из красавиц в коробе закричала ему: «Я смотрю в свое окошечко и вижу, что ты отдыхаешь – ступай сейчас же далее!» Он подумал, что это его невеста ему кричит, и поплелся далее.

И опять задумал было сесть, и опять услышал: «Смотрю в свое окошечко и вижу, что ты отдыхаешь – сейчас же ступай далее!»

И чуть только он останавливался, раздавались те же возгласы, и он должен был опять брести далее, пока наконец, кряхтя и окончательно выбившись из сил, не донес короб с золотом и с двумя дочками до их родительского дома.

А между тем у него в доме его невеста готовила свадебное пиршество и позвала на это пиршество друзей своего будущего мужа-волшебника.

И вот взяла она череп с оскаленными зубами, украсила его головным убором, надела на него цветочный венок, снесла его на чердак и выставила в слуховое оконце. Справив это, она сама залезла в бочку меду, потом вспорола перину и выкаталась в перьях так, что ее можно было принять за какую-то диковинную птицу; но никто бы ни за что не мог ее узнать.

В таком виде вышла она из дома и на пути повстречала многих из числа свадебных гостей, которые ее спрашивали:

– Предиковинная птица – откуда взялась?

– Из диковинного дома сюда доплелась.

– А невеста молодая – где она девалась?

– В доме мыла, убирала, сама наряжалась:

Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Наконец повстречался ей на пути и жених, который еле-еле тащился обратно к своему дому. И он спросил у ней так же, как все прочие:

– Предиковинная птица – откуда взялась?

– Из диковинного дома сюда доплелась.

– А невеста где ж моя – где она девалась?

– В доме мыла, убирала, сама наряжалась:

Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Жених-волшебник глянул вверх и увидел принаряженный череп; он

подумал, что это и есть его невеста, и стал ей кивать головой и приветливо ей кланяться.

Но едва он со своими гостями вступил в дом, туда же прибыли и братья, и родственники невесты, посланные ей на помощь. Они накрепко заперли все двери в доме, чтобы никто из него не мог выйти, и затем подпалили его, так что и сам волшебник, и вся его братия должны были в том доме сгореть – и сгорели дотла.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖

✖ Загрузка...